

ИМЯ заслуженного артиста Литовской ССР Юозаса Будрайтиса давно известно кинозрителям. Теперь ленинградцам представилась возможность встретиться с актером в ином качестве — в спектаклях Каунасского драматического театра, приехавшего к нам на гастроли.

Волю или неволю в нашем сознании представление об антере складывается из сыгранных им ролей. В длинной веренице образов, созданных Будрайтисом в кино, было, кажется, все: и романтические, мужественные герои Александра Грина и Джека Лондона, и целая галерея представителей «нордического типа», и респектабельные, самоуверенные джентльмены, и мятущиеся интеллигенты.

Пожалуй, общей для его героев была замкнутость, за ней в самых самоуверенных его персонажах прочитывалась внутренняя неуверенность, которую этим персонажам либо

— Юозас Станиславович, как же все-таки произошел столь крутой перелом в вашей жизни, когда вы довольно неожиданно сменили поприще юриста на актерскую профессию и, придя в кино случайно, остались в нем навсегда?

— Мои крестный отец в кино и вообще в актерской профессии был режиссер Витаутас Жалакявичус. Пригласили меня на студию действительно совсем случайно. Были сделаны фотографии, они понравились. Тогда сняли кинопробу на роль Ионаса Локиса, после чего роль окончательно была закреплена за мной.

Очень большое влияние на меня оказала личность Жалакявичуса; после окончания съемок он предложил мне пойти в театр к Мильтинису. Я тогда решил не делать этого, закончить университет. Но кино уже прочно вошло в мою жизнь, увлекло.

Совместная работа с Жалакявичусом тоже не прекратилась после первого фильма. Правда, новая встреча с ним произошла лишь через пять лет, на съемках фильма «Это сладкое слово — свобода». Я порой думаю, что если бы Жалакявичус снимал фильмы чаще, то я, быть может, не стал бы актером вообще. Ну а если все же стал бы, то судьба моя сложилась бы совсем иначе...

— Кажется, вам грех жаловаться на судьбу! За пятнадцать лет работы в кино сыграно больше сорока ро-

лей. Роли заметные, значительные, проходных совсем нет, вы снялись в немалом количестве по-настоящему серьезных, интересных фильмов. Да и зрительской любовью вы не обделены...

— Знаете, я сегодня склонен по-иному относиться к сделанному раньше. Впрочем, и к популярности тоже... Со време-

• ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

СОМНЕНИЯ ВЫСОКИЙ СМЫСЛ

нем происходит переоценка, пересмотр, нечто вроде взгляда на себя со стороны. И эта собственная переоценка зачастую не в мою пользу, к сожалению...

Драматичная сторона актерской жизни состоит в том, что актер кино, как никто другой, зависит в своей работе от множества привходящих обстоятельств, от других участников съемочной группы и в первую очередь от режиссера.

Может быть, поэтому я не слишком серьезно отношусь к своей популярности, мне кажется, что собственно ко мне она имеет мало отношения. Более того, у меня от этого появляются новые комплексы: не знаю, как другие актеры, а я испытываю неловкость, когда узнают на улице, подходят. Хочется укрыться от этого «интереса»...

удавалось скрыть, либо нет. Казалось, что таков он и в действительности — мужественный, интеллигентный, уверенный и одновременно замкнутый, доброжелательный, сдержанный. Таких называют баловнями судьбы.

Биография Юозаса Будрайтиса этого не опровергла. Третьекурсник юридического факультета Вильнюсского университета уверенно дебютировал в кино 15 лет назад, снявшись в картине Витаутаса Жалакявичуса «Никто не хотел умирать», играл вместе с опытными мастерами литовского театра и кино, став полноправным участником актерского ансамбля. После дебюта — одно за другим предложения сниматься, причем Будрайтис, не имевший профессиональной подготовки, не знал простов. Его кинематографическая карьера стремительно набирала высоту...

Мне очень важным кажется понимание. А в работе — созвучие, общность ощущения человека, общность миропонимания с режиссером, у которого я снимаюсь. А это случается не всегда. Если говорить о том, с кем бы мне хотелось работать, я назвал

в роли режиссера? — Да планов было много, только пока ни одному из них не удалось осуществиться... Были замыслы постановок по Хулио Кортасару, Юозасу Грушасу, Юрию Олеше. Однако пока обстоятельства против меня, и ни один из этих за-

бы, кроме Жалакявичуса, Андрея Тарковского и Никиту Михалкова. Но у них — свой круг актеров, с которыми они работают постоянно.

— Мне кажется, что подобными чувствами и вызвано недавно возникшее поветрие — приход актеров в режиссуру. Это и Михалков, и Губенко, и Нахпетов. Может быть, и ваш приход на Высшие режиссерские курсы продиктован именно этим?

— Да, действительно, для меня это в определенной степени поиск самого себя, своего места в искусстве. И здесь тоже не обошлось без участия Жалакявичуса. Если я все-таки стану режиссером, то это произойдет во многом благодаря ему. Я ведь и курсы заканчивал под его руководством, и режиссерскую практику проходил на его фильме «Кентавры», и сыграл там одну из ролей.

— И каковы же ваши планы

мыслов реализовать не удалось. Сейчас думаю над постановкой фильма по одной из новелл Александра Грина.

— Театральные актеры часто снимаются в кино, но профессиональные киноактеры, много и успешно снимающиеся, редко приходят в театр (если не считать театров-студий киноактера). Для вас этот шаг, наверное, был тоже непрост. Ведь работа актера в театре очень отличается от работы в кино. К тому же вы живете в Вильнюсе, а играете в Каунасе. Как это получилось?

— Дело в том, что на Высших режиссерских курсах мы учились вместе с нынешним главным режиссером Каунасского театра Ионасом Вайткусом. Как-то полшутя-полусерьезно он спросил меня, не хочу ли я сыграть в пьесе Горького «Последние Колумбийцев». Я не принял этого всерьез. А через некоторое время он позвонил мне и ска-

зал: «Читай Ибсена. Будешь играть в «Строителе Сольнесе».

Сейчас я думаю, что с моей стороны это был чистейший авантюризм. Мучился и сейчас мучаюсь, разгадывая секреты театрального искусства. Каждый спектакль — единоборство с самим собой. Перед каждым выходом на сцену испытываю самый настоящий страх. Спектакль для меня — нечто живое, самостоятельное, про что наперед загадывать невозможно: сегодня с самого начала может пойти — и до конца пройдет хорошо, а завтра не заладится — и ничего не поделаешь.

Вообще среди профессио-

налов бытует негласное мнение, что проживать на сцене вместе с персонажем все перипетии его судьбы или, попросту говоря, умирать на сцене вместе с герсом вовсе не обязательно. Нужна мера отстраненности и умение экономно расходовать себя. Это профессионализм. Если его нет — нужно действительно «умирать» на сцене. Я, может

Еще долго говорили мы с Юозасом Будрайтисом об актерской профессии, о ее сложности, предназначении. И незаметно приоткрылся главный смысл и его сомнений, и его неудовлетворенности собой, и его поисков. За всем этим стоят извечные вопросы, которыми не может не мучиться каждый истинный художник, каждый подлинный интеллигент. Вопросы, которые с особой остротой встают перед человеком именно тогда, когда он с ясностью осознает в себе свое призвание и следовать ему хочет тоже осознанно и строго...

...И вдруг я ловлю себя на мысли, что мгновениями узнаю в нем, таком непохожем на своих киногероев, жест одного из них, взгляд другого, улыбку третьего. Да, наверное, среди них не было такого, кому он мог бы доверить себя целиком. И все-таки, кажется, он, такой герой, не может не появиться. В это очень хочется верить, на это можно надеяться — гарантийей тому те сомнения, что терзают этого человека, что не дают и, надо думать, не дадут ему спокойно жить...

Беседу вел Ю. ПАВЛОВ

быть, не прав, но мне кажется, что «экономный профессионализм» убивает искусство. Наверное, все же призвание актера в том, чтоб расходовать себя с расточительностью... Но каких сил это требует!

Новая роль в театре — Шарунас — поставила передо мной новые, еще более сложные вопросы: новый тип драматургии, новый, непривычный характер... Словом, один большой вопрос «расколослся» на множество вопросов поменьше, и на каждый надо найти ответ. То один вариант света кажется верным, то другой. Поэтому и спектакли каждый раз получаются совершенно разные, и сам я не мог предугадать, как вот сегодня будет результат, и партнерам со мной очень трудно.

Словом, театр для меня — целая проблема. Меня спрашивают, удивляются, отчего мне не сниматься в кино, зачем эта затея с театром, зачем ездить на спектакли за сто километров от дома... Может быть, во всем виноват мой характер: от природы не уйти, и я часто оказываюсь во власти импульса, порыва, порой невольного и не вполне осознанного. Но думаю, было бы хуже для меня, если бы рассчитывал каждый свой жизненный шаг. Спокойнее, конечно, но хуже...